

К.П. Победоносцев как философ-персоналист

Неизвестное – это самое драгоценное достояние человека.

К.П. Победоносцев

Термин «философия персонализма» в настоящее время имеет два значения: во-первых, так именуется известное течение французской мысли XX века, связанное с именами Э. Мунье, Ж. Лакруа и др.; во-вторых, этот термин используется для обозначения одной из важнейших особенностей русской философии Серебряного века, в разных концептуальных формах проявившейся у разных ее представителей.

Систематическое исследование персонализма как сущностной черты русской философии как таковой было проведено С.М. Половинкиным [см. 14]. Метафизическая основа русского философского персонализма – особая русская монадология, существенно отличающаяся от монадологии Г. Лейбница. С.М. Половинкин выделял такие «особенности русского персонализма»:

- 1) поиски метафизических оснований в аритмологии и монадологии;
- 2) соборное единение личностей есть новая личность;
- 3) содержание понятия “личность” шире совокупности человеческих личностей; существует иерархия соборных личностей, идущая вверх, – семья, род, Церковь и т.д.; существует иерархия одушевленных организмов, идущая вниз, – животное, растение, клетка, молекула, атом и т. д.» [13, с. 172].

Русский персонализм «понимал личность как некую монаду-единицу, созданную Богом по собственному образу и подобию, то есть обладающую богоподобной творческой свободой по отношению к самому себе, к миру, к обществу. Личности способны сочетаться в соборное единство... Русский персонализм в личности сочетает ряды эссенциальный (монада, субстанция, сущее) и экзистенциальный (действие, свобода, любовь, творчество)» [13, с. 166]. Благодаря этому русский персонализм является мировоззрением, противостоящим апостасийным процессам современной цивилизации, поскольку для персонализма личность «является субстанцией, т.е. деятельным источником своих внутренних состояний и внешних действий», и такое понимание противостоит «меонизации и обезбожению личности» [11, с. 178], характерным для современной философии.

Русский персонализм часто сближают с русским неолейбницеанством, к которому относят Г. Тейхмюллера, Е.А. Боброва, А.А. Козлова, С.А. Алексеева (Аскольдова), Н.О. Лосского, Н.В. Бугаева, П.Е. Астафьева и Л.М. Лопатина. Особая Юрьевская философская школа, основанная профессором Юрьевского университета Густавом Тейхмюл-

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

лером, существовала с 1870-х по 1910-е годы в Юрьеве (Дерпте, ныне Тарту), развивая «метафизический персонализм», – традицию мысли, идущую от «Монадологии» Г. Лейбница и возрожденную в XIX веке Г. Лотце. К ней относят Я.Ф. Озе, В.Ф. Лютославского, Е.А. Боброва и В.С. Шилкарского. Характерно, что термин «персонализм» как обозначение философского принципа и направления уже употреблялся Я.Ф. Озе в его книге «Персонализм и проективизм в метафизике Лотце» [8], вышедшей в Юрьеве в 1896 году, то есть почти за десять лет до рождения Э. Мунье. Однако неолейбницеанство – это «западническая» версия персонализма; но одновременно существовала и оригинальная русская традиция в лице о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, Вяч.И. Иванова, В.Ф. Эрн, Л.П. Карсавина, М.М. Бахтина, монаха Андроника (А.Ф. Лосева) и др. И одним из ее зачинателей, безусловно, был и К.П. Победоносцев (1827–1907).

Среди русских мыслителей К.П. Победоносцев отличался ярко выраженным персоналистическим стилем мышления, однако он до сих пор не рассматривался с этой точки зрения. Например, в краткой статье о нем А.Ю. Резниченко в «Новой философской энциклопедии» (2010) сказано лишь о его социальной философии, суть которой – «эволюционное развитие общества, “просвещение народного духа”, патронирующая роль государства во главе с монархом, укрепление православной веры – была близка Ф.М. Достоевскому и К.Н. Леонтьеву» [16]. Принципы персонализма наиболее очевидным образом были выражены в его философии образования, которая противостояла принципам унификации и формализации учебы и воспитания, характерным для светской педагогики [см. 4; 5].

Наиболее содержательной работой о философии К.П. Победоносцева до настоящего времени является статья В. Федорова «Победоносцев как философ и мыслитель», в которой автор пишет: «С точки зрения Победоносцева, критерием отношения и методом подхода к решению как гносеологических проблем человека, так и ко всем др. областям его деятельности является не рационализм, а требование цельности знания. Для Победоносцева познавательный акт человека, как и сама жизнь, есть нечто сложное, он имеет цельный характер – в нем участвует одновременно и ум, и чувство, и воля, т.е. весь человек в его живой цельности. В соответствии с этим гносеологический идеал для Победоносцева заключается в синкретизме непосредственного сознания... Поэтому для Победоносцева как адепта требования цельности знания развернутое и систематическое изложение своих теоретических взглядов было внутренне не только ненужным, не только излишним, но даже невозможным – идея цельного познания теоретически невыразима, т.к. всякая попытка в застывших логических формулах систематизированного воспроизведения зафиксировать ее неизбежно разрушает эту цельность» [17].

Таким образом, философия К.П. Победоносцева достаточно четко вписывается в русскую парадигму создания «новых начал философии» (И. Киреевский), в основе которых лежит принцип «цельного разума», который основан на восстановлении цельной личности как образа и подобия Божия. Категория личности для К.П. Победоносцева была центром мировоззрения как «представление о личности человеческой, о такой личности, которую нельзя раздавить так, как давят насекомое. Это представление имеет корень в вековечном понятии о том, что у каждого человека есть живая душа, единая и бессмертная, следовательно, имеющая безусловное бытие, которое не может истребить никакая человеческая сила. Оттого между нами нет такого злодея и насильника, который посреди всех своих насилий не озирается бы на попираемую им живую душу с некоторым страхом и почтением» [9, с. 463–464]. В строгом теоцентрическом православном мышлении, свойственном К.П. Победоносцеву, категория личности a priori имеет основополагающий характер, полагая онтологию человека как образа и подобия Божия.

Это принцип лежал и в основе философии Э. Мунье (1905–1950), основателя французского персонализма. По его определению личности, «теологическое таинство свобо-

ды и первородного греха покоится на этом достоинстве, доверенном свободному выбору личности... человек создан по образу Бога уже в своем естественном строении и что он призван совершенствовать этот образ через все более глубокое участие детей Бога в высшей свободе» [7, с. 302]. Высшей формой личностного бытия, по Э. Мунье, является «акт любви – самый достоверный акт человеческого существа, его неопровержимое *Cogito*: я люблю – значит и существую, и жизнь стоит того, чтобы ее прожить (бремя жизни). Любовь дается мне не только тем, что я сам ее обретаю, но и через бытие, которое мне дарует “другой”» [7, с. 481]. Личность в персонализме – это нечто противоположное так называемой индивидуальности: «Распыление, алчность – вот два признака индивидуальности. Личность же – это обладание и выбор, она – само великодушие. Следовательно, по своей внутренней направленности она идет в прямо противоположном направлении по сравнению с индивидом» [7, с. 303]. Индивидуальность – это то, что присваивает; личность – это то, что отдает. Личность созидает человека, индивидуальность – растрчивает.

Принцип любви как основа личностного бытия у К.П. Победоносцева мыслится в своей трагической недостижимости: «...давно сказано и всем нам знакомо: “Заповедь новую даю вам – да любите друг друга. Как Я возлюбил вас, так и вы друг друга любите”. Если б умели мы углубиться в это слово и взойти на высоту его, если б решились мы бросить в бездну то, что всего для нас драгоценнее: наши теории, наши предрассудки, наши привычки, связанные с исключительностью житейского положения, в котором каждый утвердил себя, – мы принесли бы себя самих в жертву бездне, и она навсегда бы закрылась» [9, с. 398]. Бездна – это индивидуалистическое бытие, которое разрушает человека. К.П. Победоносцев ставит такой «диагноз времени»: «Непомерное развитие материальной цивилизации всюду приводит к оскудению духовных начал, добра и правды и к распространению лжи в социальном быте и в социальных отношениях» [10, с. 403]. Это происходит потому, что «простые потребности духовной и телесной природы уступили место множеству искусственных потребностей, и простые ощущения заменились сложными, искусственными, обольщающими и раздражающими душу. Самолюбия, вырвавшиеся прежде ровным ростом в соответствии с обстановкой и условиями жизни, стали разом возникать, разом подниматься во всю безумную величину человеческого я, не сдерживаемого никакой дисциплиной, разом вступать в безмерную претензию отдельного я на жизнь, на свободу, на счастье, на господство над судьбой и обстоятельствами. Умы крепкие и слабые, высокие и низкие, большие и мелкие – все одинаково, утратив способность познавать невежество свое, способность учиться, т.е. покоряться законам жизни, разом поднялись на мнимую высоту, с которой каждый большой и малый считает себя судьей жизни и вселенной» [11, с. 389].

Тем самым К.П. Победоносцев – точно так же, как и Э. Мунье, – строит свою философию как важный интеллектуальный инструмент противостояния процессам обезличивания человека в современной цивилизации, которое происходит в процессе подмены духовного образа человека эгоистическим «Я». Отсюда и особое определение качества человеческой культуры у К.П. Победоносцева, которое строится через категорию личности: «Показателем культуры в обществе служит обращение людей между собой. Когда оно основано на сознании истинной свободы, в чем проявляется уважение к личности всякого человека, внимание каждому, с кем вступают в отношение. Это свойство у древних называлось общим именем “*reverentia*”. С понижением культуры это свойство истощается и исчезает, напротив того, возрастает масса людей, не питающих уважения ни к чему, кроме своей воли и своей прихоти» [10, с. 402–403]. С нравственной точки зрения, «показателем культуры служит утвердившееся в обычае сознание долга и ответственности. Где оно исчезает, там начинается одичание нравов... И тогда, сколько бы ни усиливалось в обществе умственное развитие, как бы ни совершенствовались внешние условия цивилизации, куль-

турное состояние такого общества жалкое и опасное» [10, с. 402]. Именно такое состояние культуры мыслитель констатировал для своего времени – как на Западе, так и в России.

К этому состоянию общество привели разрушительные революции Нового времени, поскольку «революция поставила себе целью обновить общество; но обновить его можно было только применением к гражданскому обществу христианских начал» [11, с. 306]. Революции же действовали прямо противоположным образом – разрушали христианские начала в обществе. Стоит отметить, что сформулированный К.П. Победоносцевым принцип обновления общества четко соответствует словам прп. Серафима Саровского: «Стяжай дух мирен – и тысячи вокруг тебя спасутся». Причину парадокса, состоящего в том, что революции и внешний «прогресс» приводят не к развитию личности, а к прямо противоположному результату, он объясняет следующим образом: «Говорят, что с умножением капиталов всякого рода, с развитием физического знания, с всеобщим распространением удобств жизни непременно усилится и чувство взаимного благоволения. В действительности же происходит совсем противное. Все направление новейшей цивилизации клонится к тому, чтобы человеку удобно было быть одному в своем положении и устраивать свои собственные интересы; а с развитием свободы и равенства это чувство непременно должно усиливаться. С уменьшением всякого стеснения до наименьших размеров все люди станут приближаться к одному плоскому уровню, и в каждом человеке будет уменьшаться способность возбуждать и привлекать воображение и чувство» [11, с. 235–236]. Последняя закономерность почти дословно повторяет закон истории, ранее сформулированный К.Н. Леонтьевым (хотя, судя по всему, труды этого мыслителя К.П. Победоносцеву не были знакомы).

В этом контексте К.П. Победоносцев характеризует феномен богатства так: «Богатство приводит в движение множество низких побуждений человеческой природы. *Богатство налагает на человека тяжелые повинности, связывает его свободу во многом. Одна из самых ощутительных невзгод для богача то, что он становится предметом эксплуатации, около него образуется сплетение лжи всякого рода*» [выделено мной – Авт.] [11, с. 411]. Эта характеристика богатства является шокирующей как для обыденного сознания, привыкшего лишь завидовать богатым, так и для обычных идеологических представлений – в равной степени как либеральных, так и левых. Богатство как порабощение человека и причина его эксплуатации другими – такое понимание является сугубо христианским и непонятно для светского мышления, которое, наоборот, привыкло считать богатство основой свободы и результатом эксплуатации других людей. По К.П. Победоносцеву, богатый человек всегда становится порабощенным и эксплуатируемым другими именно вследствие богатства. В этом определении очень четко видна особая специфика персонологического мышления, которое смотрит на человека только изнутри, с точки зрения его личностных качественных состояний, «вынося за скобки» социальное.

Категория личности рассматривается К.П. Победоносцевым в рамках «славянофильской» традиции посредством разработки понятия «духовной цельности человека». В своей брошюре «Ученые и учитель. Педагогические заметки» (книга 2) он писал об этом так: «Понятие о духовной цельности человека вытесняется дроблением ее на отдельные способности и силы, из коих каждая развивается и действует по своим особым законам и в полном разобщении с другими. Возникает представление о каком-то ящике с глухими перегородками: вот в этой клетке место для догматики – это по части благодати; а рядом, за перегородкою помещается искусство – это департамент вкуса; там, в стороне, наука, куда никакая способность, кроме отвлеченной мысли, проникать не должна; а там и нравственность. Естественно, что для того, кто свыкся с этими представлениями, трудно допустить, что все способности человека подчиняются высшей духовной силе сознанием просветленного самообладания, и что, в сущности, у всех одна задача – создание цельно-

го образа нравственного человека. И так становится нам понятен человек как равнодушное вместилище, в котором укладываются разные способности, и мы продолжаем толковать о высоком значении личности, не замечая, что мы же подорвали, его, откинув понятие о внутренней цельности» [9, с. 341–342]. Фактически здесь вводится понятие «расщепленного человека», которое затем будет разрабатываться в XX веке некоторыми авторами [2; 3], – как антипод утерянной цельности личности, требующей восстановления путем преодоления антропоцентризма.

Преодоление антропоцентризма понималось К.П. Победоносцевым как главнейшая задача нашего времени. Он писал: «Птолемеева система давно отжила свой век; но вот как понять, что в наше время восстанавливается господство ее в ином круге идей и понятий? Разве не впадает в подобную же путаницу новейшая философия, опять от той же грубой ошибки, что человека принимает она за центр вселенной и заставляет всю жизнь обращаться около него, подобно тому как в ту пору наука заставляла Солнце обращаться около Земли. Видно, ничто не ново под луною. Это старье выдается за новост... И когда явится новый Коперник, который снимет очарование и покажет вновь, что центр – не в человеке, а вне его и бесконечно выше и человека, и Земли, и целой вселенной?» [11, с. 392]. Парадокс человеческого существа состоит в том, что когда он полагает центр в самом себе, то не находит этого центра и рассыпается на части; но полагая центр вне себя – в Боге или хотя бы в другом человеке – обретает этот центр и самого себя собирает в монолит.

Вообще внутренняя расщепленность и разорванность – это печальный закон человеческой жизни, следствие пребывания человека в Первородном грехе. К.П. Победоносцев очень четко пишет об этом, и в этом смысле он является мыслителем-экзистенциалистом: «Жизнь духовная ищет и требует выше всего единства духовного, и в нем полагает идеал бытия своего; а когда душе показывают этот идеал в раздвоении, она не принимает такого идеала и отвращается... Правда, что в действительности жизнь всех и каждого есть непрерывная история падения и раздвоения – печального раздвоения между идеей и делом, между верой и жизнью; но в этой непрерывной борьбе дух человеческий держится в равновесии не чем иным, как верою в идеальное, конечное единство, и дорожит такою верою как первым и исконным сокровищем бытия своего» [11, с. 302–303].

Как преодолеть этот вечный разрыв? Собственно, все философско-публицистические тексты мыслителя есть не что иное, как практические идеи путей преодоления этого разрыва – не в теории, но в реальной в жизни. Уникальным самовыражением К.П. Победоносцева как мыслителя также стали и два ярких стихотворения: первое из них является его вольным переводом стихотворения «Старые листья» английского поэта Саллета; а второе – его собственного сочинения. Первое из них завершается так:

Не быть тебе творцом, когда тебя ведет
К прошедшему одно лишь гордое презренье.
Дух создал старое: лишь в *старом* он найдет
Опору твердую для *нового* творенья.

Век будут истинны – пророки и закон,
В черте единой – вечный смысл таится,
И в новой истине лишь то должно открыться,
В чем был издревле смысл великий заключен [6, с. 486].

Эти строки можно рассматривать как ясное credo традиционалистского мировоззрения: любое новое только тогда имеет какую-то ценность, если в нем по-новому раскрывается вечное, от века известное, но не данное как очевидность, а требующее индивидуального усилия постижения – как бы переоткрытия заново. Стремление к новому как самоцели

лишь на первых порах – пока еще жива традиция – может создавать нечто ценное, но очень скоро стремление к новизне становится исключительно деструктивным и приводит к разрушению культуры как таковой. Об этом свидетельствует вся история цивилизаций. И этот закон индивидуального сознания и творчества является лишь проявлением всеобщего, космического закона бытия:

В пыли и брени земном
Зерно чистейшее хранится
И пробивает прах ростком,
Чтобы под солнечным лучом
Могучим деревом развиться...

Не так ли в мире суждено,
По воле тайной Провиденья,
Чтоб слова Божия зерно
Было на дне схоронено
Соблазнов, лжи и заблужденья?

Чтоб чудный дар воды живой,
Излитый Божией рукой
На мир в потоках беспредельных,
Вкушался жаждущей толпой
В сосудах грешных и скудельных?

Но вечной истины зерна
Сплетенье лжи не заглушает,
И древо жизни и добра
От зла и смерти торжества
Весь мир собой охраняет.

Но и воды живой струя
В сосудах грешных не мутится,
И дня великого заря,
Лучами кроткими горя,
Во веки тьмою не затмится [6, с. 486–487].

Метафизический закон, выраженный в этом стихотворении, в работах Э. Мунье назывался «законом воплощения» личностного бытия в косной материи. Личностное воплощение преобразует материю, придавая ей особые и неповторимые черты. Но воплотить личностное, в чем бы оно ни состояло – в поступке, в речи, в созидании, – очень трудно, косная материя страшно сопротивляется этому. Иногда кажется, что все личностное уже умерло и не может возродиться. Нет, может, но только в том случае, если оно движимо силами горними, благодатью Божией. Вот об этом сказано в стихотворении.

Литературный язык К.П. Победоносцева уже оценен по достоинству. В частности, филолог Б.Б. Глинский так характеризует стилистику его произведений: «По технике своей письменной речи ученый писатель может по справедливости быть поставлен в один ряд с такими виртуозами русского слова, как покойные И. Аксаков и М. Катков с тем лишь отличием от них в том отношении, что в его изложении мыслей постоянно проглядывало тяготение к церковным оборотам речи и духу нашей церковной словесности, родство и близость с которой у него начались еще с детских лет» [1, с. 12]. В текстах К.П. Победоносцева есть фрагменты, которые можно смело отнести к образцам русской прозы. Это очень важно для философа-персоналиста, ведь ему нужно уметь писать о неповторимом – о личности, используя для этого все богатство русского языка. Стоит привести пример того, как

он пишет о неповторимости религиозного облика каждого народа. «Существенное в каждом вероисповедании, – отмечает философ, – едва ли возможно выразить, выяснить на бумаге или в определенной формуле. Самое существенное, самое упорное и драгоценное в церковном веровании – неуловимо, недоступно определению, подобно разнообразию света и теней, подобно чувству, сложившемуся из бесконечного ряда последовательных ощущений, представлений и впечатлений. Самое существенное – связано и сплетено множеством таких тонких корней с психической природой каждого племени и с общими, сложившимися в нем, началами нравственного мирозерцания, что невозможно отделить одно от другого» [9, с. 400].

Народ как «симфоническая личность» (Л.П. Карсавин) – особо сложный предмет и для отражения в слове, и для философского осмысления. Стало уже общим местом упоминание о том, что если для западных христиан главным праздником является Рождество, то для православных – Пасха; и это, очевидно, как-то связано с их мировоззрением. Пасха – это праздник Воскресения, то есть победы над смертью; Рождество – праздник зарождения жизни и надежды на будущее. Почитающие главным праздником Рождество стремятся получше обустроить свою земную жизнь, а почитающие главным праздником Пасху больше думают о жизни вечной, особо не привязываясь к земному. И К.П. Победоносцев написал удивительные строки, достойные пера В.В. Розанова, об этом русском православном отношении к смерти:

«Нигде в мире, кроме нашей страны, погребальный обычай и обряд не выработался до такой глубокой, можно сказать, виртуозности, которой он достигает у нас; и нет сомнения, что в этом его складе отразился наш народный характер с особенным, присущим нашей натуре мировоззрением. Ужасны и отвратительны черты смерти повсюду, но мы одеваем их благолепным покровом, мы окружаем их торжественною тишиною молитвенного созерцания, мы поем над ними песнь, в которой ужас пораженной природы сливается воедино с любовью, надеждой и благоговейной верой. Мы не бежим своего покойника, мы украшаем его в гробе, и нас тянет к этому гробу взглянуть в черты духа, оставившего свое жилище; мы поклоняемся телу и не отказываемся давать ему последнее целование, и стоим над ним три дня и три ночи с чтением, с молением, с церковной молитвой. Погребальные молитвы наши исполнены красоты и величия; они продолжительны и не спешат отдать земле тело, тронутое тлением, и когда слышишь их, кажется, не только произносится над гробом последнее благословение, но совершается вокруг него великое церковное торжество в самую торжественную минуту бытия человеческого! Как понятна и как любезна эта торжественность для русской души! Но иностранец редко понимает ее, потому что она совсем ему чужая. У нас чувство любви, пораженное смертью, расширяется в погребальном обряде; у него оно болезненно сжимается от того же обряда и поражается одним ужасом» [11, с. 486]. Эти строки столь точны и в художественном, и в философском смысле, что заслуживают быть включенными в хрестоматию по истории русской культуры: они говорят о таком самом существенном в русском мировосприятии, о чем не писал еще почти никто (это отношение к погребению гениально показано в рассказе Г. Газданова «Панихида»). Это самое существенное здесь состоит в том, что смерть понимается как начало воскресения, как новое рождение человека в вечность, а не как всего лишь конец земной жизни, что характерно для западного сознания.

Онтологическое измерение становления личности сформулировано у К.П. Победоносцева достаточно четко. В брошюре «Ученье и учитель. Педагогические заметки» он писал: «В том состоит великое значение религии для воспитания характера, что она, оживляя в нас сознание Бога и присутствие Божие, дает единство всей нашей жизни. Как необходимо, но и как трудно удержать это ощущение единства! Наша цивилизация чем более совершенствуется, тем более отлучает людей друг от друга и разбивает жизнь каждого

из нас на разные части, мало между собою связанные. Чем более усложняется жизнь, тем более расчленяется. Успех промышленности основан на разделении труда, успех знания – на специализации наук. Жизнь наша раздроблена на кусочки... Что же может теперь связать воедино нашу раздробленную жизнь? Ничто иное – только мысль о Боге и Его отношении к нашей жизни; только это откроет нам истинное значение бытия нашего, даст возможность сквозь массу дробностей, из коих по необходимости состоит жизнь наша, распознать единую великую вселенскую цель, одушевляющую и возвышающую бытие человеческое. Весь успех нашей жизни состоит в сознании этого основного ее единства, в коем ясна становится взаимная связь всех частей нашей жизни, ясно истинное значение всех малых дел и явлений, из коих составляется жизнь наша. Вслед поступкам и делам нашим должен слышаться голос оживляющего духа, напоминающего, что мы стремимся воплотить в жизни высшее начало, видеть перед собою ясный конец и цель ясную. А это возможно только в Боге; лишь в мысли о Боге можем мы обрести равновесие земного бытия, уразуметь идею единства жизни; лишь в мысли о Боге мы сами себя обретаем посреди бесчисленных дробностей жизни» [9, с. 340]. Здесь К.П. Победоносцевым четко сформулирован тот закон личного бытия, о котором было сказано выше: когда человек полагает центр в самом себе, то не находит этого центра и рассыпается на части; но полагая центр вне себя – обретает этот центр и самого себя. Центр человеческого существа только тогда является подлинным и дает энергию для преобразования личности, когда он полагается в Боге и в сознании о Нем.

Императив преобразования косной материи (о котором столь ярко К.П. Победоносцев написал в приведенном стихотворении) в первую очередь относится к самому человеку, к его смертной плоти. Об этом философ пишет так: «...хотя бы и правда было, что первый человек выродился из среды животной, что мне в том? В книге Бытия указана еще грубее материя, из которой создан человек, – грязь и прах, персть земная. Какая бы ни была та материя, разве в ней, разве в оболочке – весь человек? Он принял от Создателя своего живую душу, то дыхание жизни религиозной и нравственной, от которого не может, когда бы и хотел, отделаться» [11, с. 307]. Это желание «отделаться» от своего высшего призвания и составляет соблазн цивилизации, которому должна противостоять философия.

В этом противостоянии человек находит опору и в естественных свойствах своей природы, не разрушенных полностью Первородным грехом. Эти свойства К.П. Победоносцев усматривает уже в процессе формирования сознания в детском возрасте. Он пишет: «Кому случалось следить за развитием умственных и душевных способностей в ребенке с самого раннего возраста, тот вероятно замечал, что прежде всего внимание его останавливается на самых общих, отвлеченных и в то же время самых практических вопросах, по их прямому отношению к личности каждого. Он старается уяснить себе, что такое Бог, свое отношение к Богу, в чем выражается Промысел, откуда добро и зло; он вслушивается в первое лепетание своей совести и с жадностью расспрашивает об отношении мира видимого к миру невидимому, коего первоначальное темное ощущение проявляется в особенном чувстве ужаса, неизвестно откуда западающем в душу ребенка» [9, с. 343].

Последний аспект – познание потустороннего через мистический ужас – весьма близко известной концепции *mysterium tremendum et fascinans*, изложенной Р. Отто в книге «Священное» (1917), согласно которой душа со всей очевидностью познает Бога как нечто «нуминозное», то есть вызывающее одновременно страх и трепет перед лицом «Бога живого» (*tremendum*), и восхищение в любви (*fascinans*). Как известно, в представлениях атеистов вера рождается якобы из «страха перед силами природы». В этом наивном представлении совершается ложная подмена: вера действительно рождается из страха – но не перед силами природы или перед чем-то в этом мире, а из мистического ужаса перед непостижимым бытием Божиим, которое непосредственно открывается душе, независимо от

каких-либо внешних восприятий. Это самый ценный опыт человеческого сознания, открывающийся еще в детстве, и очень важно его сохранить и развить.

Испытывая отвращение к мифу о совершенстве грешного человека, идущему от Ж.-Ж. Руссо, К.П. Победоносцев вместе с тем акцентирует мысль о том, что в естественной человеческой природе сохранились силы и способности для высшего познания. В статье «Новая вера и новые браки» он пишет: «В старой вере нашей – истина природы человеческой, истина непосредственного ощущения и сознания, та истина, которая отзывается в правду, из глубины духа, на слово божественного откровения. Эта истина есть, и зерно ее лежит в каждой душе. Про нее сказано: “Всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего”. Старая вера наша основана на том, что каждый человек чувствует в себе живую душу, бессмертную, единую, и этой живой души не смешивает ни с природою, ни с человечеством, в ней сознает себя перед Богом и перед людьми и в ней хочет жить вечно. Своей живой душой вступает он в свободный союз любви с другими людьми, и как живет ею, так и отвечает на нее сам. Ею ощущает он своего Создателя так же просто, как живет, и в этом простом ощущении независимо от разума обретает свою веру» [11, с. 458]. Акцентируя естественность богопознания, заложенную в самой природе человека, К.П. Победоносцев говорит и об источнике безбожия, который коренится вовсе не в разуме, а в человеческом сердце, испорченном Первородным грехом и порожденными им страстями: «Разуму человеческому, когда он рассуждает прямым путем, не закрывая от себя и не отрицая фактов, существующих в природе и в душе человеческой, некуда деваться от идеи о Боге. Настоящий источник безбожия – не в разуме, а в сердце, совершенно так, как сказано пророком: сказал безумный в сердце своем: нет Бога. В сердце, т.е. в желании, источник всякого падения, как бы ни старался разум осмыслить себе всякое падение» [11, с. 459].

Богопознание основано как на внутреннем опыте сознания, которому Бог открывается как непосредственная высшая реальность, так и на опыте жизни, который убеждает в бытии Божиим в результате анализа ее мотивов. В статье «Конечная цель жизни» он формулирует этот вывод следующим образом: «наблюдение и опыт приводят нас несомнительно к следующему заключению. Все высшие, т.е. существенно-человеческие (в отличие от животных) наслаждения жизни зависят и всегда зависели от присутствия сверхъестественного нравственного начала в нашем сознании; утверждают на той мысли, что мы творим не свою волю, а волю Всемогущего существа, верховного над нами и в то же время в некотором смысле сродного нам. И это относится не к одному только христианскому миру... Нравственное чувство невозможно отделить от религиозного; даже можно сказать, что религия и нравственность в существе одно и то же. Это лишь две разные стороны, два вида одной и той же сущности. “Хочу быть чист сердцем”, иными словами то же, что сказать: “Хочу соединиться с Богом”. Как невозможно доказать достоинство чистоты, так нельзя доказать бытие Божие; но одно вместе с другим стоит и падает. Мы можем, если захотим, освободиться и от того и от другого, но отвергнув одно, не можем удержать и другое. Чем одно разрушается, то разрушительно и для другого» [12].

Однако в самом своем истоке богопознание всегда носит *личностный* характер в двух смыслах этого слова: и как личностный опыт самого человека, который невозможно заимствовать от других и передать другим; и как сосредоточенность на Лике Божиим как абсолютной Личности. В своей брошюре «Ученье и учитель. Педагогические заметки» К.П. Победоносцев писал: «Обучение вере должно быть сосредоточено на лице Господа Иисуса и на Евангельском учении. Но всякий верующий принадлежит к церкви, а церковное учение основано на догмате, и потому основа учительства должна быть догматическая. Ошибаются те, кто думает, что эта основа должна быть преимущественно нравственная. Начала нравственного учения непрочны и шатки, если не коренятся в вере. Оставленный самому себе, человек воспитывается средою, воспринимая те идеи, те учения, те приме-

ры, кои видит и слышит около себя. Для того чтобы не растерялся человек в своих впечатлениях, привычках и желаниях, нужно ему иметь в душе своей сокрытый источник силы, который научит и поможет отринуть злое и избирать благое, различить ложь и правду, создать себе внутреннюю жизнь и распознать явственно цель своей жизни. Единственный источник этой силы – вера, и наши верования должны быть точны и способны выразиться в нашем сознании ясно и определительно. Вот почему в учении веры необходимо знание догматическое» [9, с. 340–341]. Тем самым, изначальный личностный опыт богопознания может стать бесплодным и даже опасным, увлекая в ереси, если не обретет форму четкой догматической определенности.

Пониманием этого принципиального факта определялась и борьба К.П. Победоносцева с проявлениями «нового религиозного сознания», которое возникло у невоцерковленной интеллигенции. Так, побывав в 1878 году вместе с Ф.М. Достоевским на «Чтениях о богочеловечестве» Вл. Соловьева, он оценил их весьма высоко, усмотрев в них «возбуждение интереса к идеальным предметам и понятиям». Отметив в письме Е.Ф. Тютчевой, что «Соловьев, неоспоримо – молодой человек с талантом и знаниями», он подчеркнул важную особенность лекций философа: «До сих пор ни разу не вырвалось у него ни одно из тех бестактных выражений, которые слышатся у нас всякий раз, когда бывает попытка секуляризовать в аудитории для публики священные предметы». Однако после того, как философ назвал учение о вечных муках грешников в аду «гнусным догматом», он квалифицировал это мнение как «болезненное бесстыдство самолюбия». В дальнейшем К.П. Победоносцев не раз писал, что на ложный путь Вл. Соловьева увлекли чрезмерное самомнение, гордыня и индивидуализм, недостаток смиренномудрия. «Вот до какого безумия, – писал Победоносцев Александру III в 1888 году по поводу книги философа «Русская идея», – мог дойти русский умный и ученый человек... Гордость, усиленная еще глупым поклонением со стороны некоторых дам, натолкнула его на этот ложный путь» [цит. по: 15, с. 190]. Тем самым неспособность к строгому мышлению в рамках догмата – это вовсе не признак так называемого свободомыслия, а как раз наоборот – признак гордыни и незрелости ума. Догматическое мышление вообще требует намного более высокой культуры и силы мысли, чем так называемое критическое мышление, поскольку первое требует реального духовного опыта, убеждающего в истинности догматов, в то время как «критическое» мышление не требует ничего, кроме гордыни и самомнения.

В статье «Болезни нашего времени» К.П. Победоносцев писал о разрушительности «критического мышления» интеллигенции для народной культуры и нравственности: «Напрасно возражают им слабые голоса, что у простого человека не один ум, что у него душа есть, такая же, как у всякого другого, что в сердце у него та же крепость, на которой надо ему строить всю жизнь свою и на которой до сих пор стоит у него церковное строение... Если бы потрудились они, без самоуверенности и без высокомерной мысли о своем разуме, войти в темную массу и приобщиться к ней, они увидели бы, что темный человек сам ищет и просит света и жаждет просвещения, но открывает вход ему только с той стороны, с которой оно может взаправду просветить его, не смутив души его, не разорив его жизни. Он чувствует, что всего дороже ему духовная его природа, и через сердце хочет пролить свет в нее» [11, с. 418–419]. Превосходство так называемой необразованной массы над интеллигенцией в то время состояло в том, что этой «массе» была «дороже духовная природа» и она стремилась к ее развитию и просвещению (этой задаче и отвечали церковно-приходские школы, созданные трудами К.П. Победоносцева по всей России), в то время как для интеллигенции были важны только внешние материальные успехи безбожного «прогресса».

Главный порок интеллигенции К.П. Победоносцев справедливо усматривал в ее идолопоклонстве перед идеологическими фетишами: «В наше время умами владеет в так

называемой интеллигенции вера в общие начала, в логическое построение жизни и общества по общим началам. Вот новейшие фетиши, заменившие для нас старых идолов, но в сущности и мы, так же как прапрадеды наши, творим себе кумира и ему поклоняемся. Разве не кумиры для нас такие понятия и слова, как, например, свобода, равенство, братство со всеми своими применениями и разветвлениями?» [11, с. 393]. В свою очередь, главный порок этого идолопоклонства заключался в его антиперсонализме, в презрении к реальному человеку: «Вера в общие начала есть великое заблуждение нашего века. Заблуждение состоит именно в том, что мы веруем в них догматически, безусловно, забывая о жизни со всеми ее условиями и требованиями, не различая ни времени, ни места, ни индивидуальных особенностей, ни особенностей истории. Жизнь – не наука и не философия; она живет сама по себе, живым организмом» [11, с. 393].

Исторический исток этого идолопоклонства К.П. Победоносцев видел в лукавой подмене понятий, когда «из теории Руссо вырождается знаменитая формула: *свобода, равенство, братство*. Эти понятия заключают в себе вечную истину нравственного, идеального закона в нераздельной связи с вечной идеей долга и жертвы, на которой держится, как живое тело на костях, весь организм нравственного мирозерцания» [11, с. 396]. Тем самым, отбросив свою духовную основу, состоящую в христианской любви и жертвенности, принципы «свободы, равенства и братства» уже неизбежно превратились в свою противоположность, породив террор, а затем тотальную духовную деградацию современного человека и общества.

Общим принципом этой деградации является, по К.П. Победоносцеву, тотальная деперсонализация общественной жизни – подмена личностных отношений мертвыми учреждениями. Он писал: «...правда, на которой мир стоит и держится, правда, без которой жизнь становится каким-то маревом дикого воображения, чем она является в новейшей, искусственной, выглаженной и выстроганной по европейской моде форме судебного учреждения! Мы видим машину для искусственного делания правды, но самой правды не видно в торжественной суете машинного производства, не слышно в шуме колес громадного механизма. Вы ищете нравственной силы – увы! Едва ли не вся сила, какая есть в действии машины, уходит на трение колес, совершающих непрерывное движение, едва ли не все нравственные усилия деятелей уходит на смазку этих колес и проводников к ним» [11, с. 399]. Этот процесс, в наше время обозначаемый термином «отчуждение», обычно выводят из сугубо материальных предпосылок – технизации жизни и как следствие бюрократизации государства. Но К.П. Победоносцев указывает на его более фундаментальные духовно-нравственные истоки, коренящиеся в той подмене понятий, о которой сказано выше.

К.П. Победоносцев с большой иронией разоблачает наивные мечтания «преобразователей» жизни, предсказывая, что все их усилия будут иметь результат, прямо противоположный ожидаемому: «что за беда, если вместо крепких людей являются отовсюду дрянные людишки; пусть будет сегодня плохо: завтра, послезавтра будет лучше. Новые поколения процветут на развалинах старого, и наши принципы оправдают себя блистательно в новом мире, в потомстве, в будущем... Мечты, которыми наполнена жизнь наша и деятельность, осуществляются же когда-нибудь после... Увы! Разве осуществляются они в таком смысле, как случилось со Свифтом: в молодости он устроил дом для сумасшедших и под старость нашел себе приют в этом самом доме» [11, с. 402]. В этих словах можно видеть явное предсказание мыслителем всех катастроф и тоталитарных режимов XX века.

Более того, есть у К.П. Победоносцева и просто провидческие слова, описывающие нашу реальность начала XXI века. В статье «Новая вера и новые браки» он писал: «Печальное будет время, если наступит оно когда-нибудь, когда водворится проповедуемый ныне новый культ человечества. Личность человеческая немного будет в нем значить;

снимутся и те, какие существуют теперь, нравственные преграды насилию и самовластию. Во имя доктрины для достижения воображаемых целей к усовершенствованию породы будут приноситься в жертву сами священные интересы личной свободы, без всякого зазрения совести, о совести, впрочем, и помина не будет при воззрении, отрицающем саму идею совести. Наши реформаторы, воспитанные сами в кругу тех представлений, понятий и ощущений, которые отрицают, не в состоянии представить себе ту страшную пустоту, которую окажет нравственный мир, когда эти понятия будут из него изгнаны» [11, с. 463]. Это время уже наступило, а как ему противостоять, русский философ задумывался еще более ста лет назад. В этом его непреходящая ценность.

Подводя итог проведенному краткому анализу нашей темы, можно сделать следующие обобщающие выводы.

1. К.П. Победоносцев относится к оригинальной русской традиции философского персонализма, основанной не на неолейбницианстве, а на раскрытии православного опыта понимания человека как образа и подобия Божия, во многом близкого французскому католическому персонализму Э. Мунье.

2. Философия К.П. Победоносцева достаточно четко вписывается в русскую парадигму создания «новых начал философии» (И. Киреевский), в основе которых лежит принцип «цельного разума».

3. Концепция культуры и истории К.П. Победоносцева имеет четко выраженный персоналистический характер, рассматривая любые социальные и исторические явления с точки зрения их личностного содержания; а личностное содержание – как воплощение высшего религиозного идеала человека.

4. По К.П. Победоносцеву, богопознание в своем истоке всегда носит личностный характер в двух смыслах этого слова: и как личностный опыт самого человека, который невозможно заимствовать от других и передать другим; и как сосредоточенность на Лике Божиим как абсолютной Личности.

5. Разрушение христианского нравственного сознания, по диагнозу К.П. Победоносцева, приводит к лукавой подмене ценностей, и как следствие – к деградации человека и общества; общим принципом этой деградации является тотальная деперсонализация общественной жизни – подмена личностных отношений мертвыми учреждениями.

Литература

1. Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // *Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени*. М.: АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2004. С. 5–31.
2. Горелов А.А., Горелова Т.А. «Расщепленный» человек и идея всеединства // *Человек*. 2004. № 5. С. 39–46.
3. Горелов А.А. *Расщепленный человек и целостная личность*. М.: Наука, 1990. 255 с.
4. Даренский В.Ю. Принцип христианского персонализма в педагогике: концепция К.П. Победоносцева // *Управление развитием профессиональной компетентности личности: история, теория, практика*: в 2 т. Т. 1. Белгород: ИПК БГИИК, 2017. С. 119–125.
5. Даренский В.Ю. Философия образования К.П. Победоносцева // *Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого*. 2018. № 3 (27). Т. 2. Октябрь. С. 21–35.
6. Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / сост., предисл. и коммент. С.В. Лебедев, К.А. Киятов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 624 с.
7. Мунье Э. *Манифест персонализма*: пер. с фр. М.: Республика, 1999. 559 с.
8. Озе Я.Ф. *Персонализм и проективизм в метафизике* Лотце. Юрьев: Универ. изд-во, 1896. 476 с.
9. *Победоносцев К.П. Дела и дни*. М.: Традиция, 2018. 438 с.
10. *Победоносцев К.П. Государство и Церковь*. Т. I. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 704 с.
11. *Победоносцев К.П. Государство и Церковь*. Т. II. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 624 с.
12. *Победоносцев К.П. Конечная цель жизни* [Электронный ресурс] // *Православное обозрение*. 1877. Ноябрь. С. 392–412; 1878. Май-июнь. С. 19–24 / Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Pobedonoscev/konechnaja-tsel-zhizni/

13. *Половинкин С.М.* Персонализм и особенности социальной стратегии (христианский персонализм П.А. Флоренского в контексте русской мысли) // История философии. 2014. № 19. С. 166–180.
14. *Половинкин С.М.* Русский персонализм. М.: Синаксис, 2020. 1160 с.
15. *Полунов А.Ю.* Победоносцев: русский Торквемада. М.: Молодая гвардия, 2017. 335 с.
16. *Резниченко А.Ю.* Победоносцев К.П. // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III. М.: Мысль, 2010. С. 253.
17. *Федоров В.* Победоносцев как философ и мыслитель [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.zdravruussia.ru/people/xixvektorajapolovina/?nw=1146>

Аннотация. В статье показано, что К.П. Победоносцев относится к оригинальной русской традиции философского персонализма, основанной не на неолейбницианстве, а на раскрытии православного опыта понимания человека как образа и подобия Божия. Его философия вписывается в русскую парадигму создания «новых начал философии» (И. Киреевский), в основе которых лежит принцип «цельного разума». Концепция культуры и истории К.П. Победоносцева имеет персоналистический характер, рассматривая любые социальные и исторические явления с точки зрения их личностного содержания; а личностное содержание – как воплощение высшего религиозного идеала человека. По К.П. Победоносцеву, богопознание опирается на естественные способности человека и всегда носит личный характер. Разрушение христианского нравственного сознания, по диагнозу К.П. Победоносцева, приводит к деградации человека и общества в виде тотальной деперсонализации общественной жизни – подмене личностных отношений мертвыми учреждениями.

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, персонализм, традиционализм, философия, богопознание, нравственность.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

K.P. Pobedonostsev as Philosopher-Personalist

Abstract. The article shows that K.P. Pobedonostsev belongs to the original Russian tradition of philosophical personalism, based not on neo-leibnizianism, but on the disclosure of the Orthodox experience of understanding man as the image and likeness of God. His philosophy agrees with the Russian paradigm of creating “new beginnings of philosophy” (I. Kireevsky), which is based on the principle of “integral mind”. Pobedonostsev’s concept of culture and history has personalistic character, considering any social and historical phenomena in terms of their personal content; and personal content - as the embodiment of the highest religious ideal of man. According to K.P. Pobedonostsev, the knowledge of God is based on the natural abilities of a person and always has personal character. The destruction of Christian moral consciousness, according to K.P. Pobedonostsev, leads to the degradation of man and society in the form of total public life depersonalization – the substitution of personal relations with dead institutions.

Keywords: K.P. Pobedonostsev, Personalism, Traditionalism, Philosophy, Knowledge of God, Morality.